

Философская библиотека обогатилась новой книгой о повседневности человеческого существования. Тема очень важная, хотя и не вызывающая сегодня большого интереса. Тем ценнее обращение к ней.

Два известных философа из Екатеринбурга — К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов — задумали проанализировать повседневную жизнь с марксистских позиций. Подход этот обещает много интересного, так как позволяет наполнить новым содержанием основные понятия Маркса историзма.

Сферу повседневности авторы справедливо считают одной из форм человеческой деятельности, поэтому она позволяет применить к себе марксистские понятия и оценки, а её анализ расширяет возможности марксистского подхода.

Применение Марксовых понятий, давно как будто вытесненных с переднего плана рассмотрения такими современными терминами, как скайп, телеграм, социальные сети и т.д., кажется анахронизмом, но это не так: новая область применения открывает новые нюансы, неожиданные связи и, кроме того, включает в дело необычные ракурсы видения. Вполне правомерно авторы привлекают к анализу и некоторые важные термины домарксовской философии и придают им вполне адекватное звучание. Так, с самого начала в книге упоминаются “априорное” и “апостериорное”. Априорное означает, что, появившись на свет, следующие поколения застают готовыми те орудия и те действия с ними, в которые им нужно вписаться, а также те способы общения, обороты речи, которыми нужно овладеть. Все это, ранее сложившееся, и выступает как нечто готовое, априорное, сохраняющее преемственность и консервативность. О консервативности Герман Гессе писал в свое время, что она дает устойчивость в жизни людей, обеспечивает привычные формы поведения, создает основу для деятельности. Апостериорное же — это новые формы действий, заново изобретенные орудия, непривычные, складывающиеся уже между народившимися поколениями отношения. Адекватность применения этих понятий очевидна.

Авторы книги убедительно показывают далее, что область повседневной жизни как особой сферы деятельности содержит в себе те же черты, которыми отличается господствующий способ производства данного исторического периода. Нужным и полезным, хотя на

первый взгляд излишним, предстает напоминание здесь о таких общеизвестных категориях материалистического понимания истории, как общественное бытие и общественное сознание, социальный универсум, человеческое бытие, базисный характер производства. Они кажутся само собой разумеющимися, и все же надо о них напомнить, чтобы они не стерлись в памяти людей и не утратили свою основную четкую определенность. Оправдана и критика ситуации отчужденного труда, как ее дал К. Маркс.

Конечно, разъяснение авторов, что движущий силой истории является не изобретение новых орудий само по себе, а изменившиеся потребности человека, лучше даже сказать — не потребности (ибо это слово несет на себе некоторый физиологический оттенок), а изменения самого человека — верно и в общем плане, и в плане анализа повседневности. В споре: что является причиной развития производства — орудия или человеческие потребности — ответ верно концентрируется на потребностях. Человек — непрерывно исторически изменяющееся существо, изменяющее всю природу и самого себя. Деятельность рассматривается как главное содержание человеческой жизни.

Авторы успешно используют в связи с этим наработанные в советской философии, в частности, Э.В. Ильенковым и Г.С. Батишевым, программы предметной деятельности. Дело касается операций “опредмечивания” и “распредмечивания”, т.е. раскрытия содержания деятельности. С одной стороны, происходит оживление индивидов в структуры априорных социальных универсумов, интериоризация тех семантических структур, которые оказываются вложенными в предметы их создателями и свернутыми в них. “Распредмечивание” же указывает на понимание и освоение того, что было вложено в предметы, с которыми теперь действует новое поколение. Очень привлекает и то, что авторы не теряют философских приобретений выдающихся западных мыслителей, причем дается и их критика; Хайдеггер, например, критикуется за отсутствие историзма: удачно в этом смысле обозначение “нисходящего” (от “большого” производства к повседневности) и “восходящего” (от изобретения новых орудий и методов быта к “большому производству”) движений, создающих динамику всей общественной жизни.

В книге даются детальные определения повседневности как формы “непосредственной деятельности, конкретной деятельности, осуществляемой конкретными индивидами среди конкретных вещей конкретными орудиями” (с. 80). Эти определения не кажутся особенно удачными, так как любая деятельность, в том числе и главный, определяющий способ производства, всегда конкретен со всех сторон. Не очень удачным кажется также определение повседневности как непосредственной деятельности; любая деятельность и непосредственна, и опосредована одновременно. Правда, надо заметить, что дать адекватное определение повседневности действительно трудная задача: она как будто общественная деятельность — и индивидуальная, и производственные действия — но тоже с оговорками. Возможно, правильнее всего было бы охарактеризовать повседневность через быт или через домашний труд.

То, о чем пишут далее авторы, акцентируя внимание на *автоматизме* действий повседневности, верно только наполовину: “повседневные механизмы деятельности, повседневные действия (работа) характеризуются привычностью и не требуют работы мысли по осмыслению этих действий” (с. 81) — надо было бы здесь добавить “преимущественно”, так как несколькими страницами выше говорилось о “восходящем процессе” изменений, когда преобразования в домашнем труде ведут к изменениям в главном способе производства. Но ведь никаких изменений не будет без творческих усилий, а они вовсе не автоматические. Зато признание человеческих потребностей побудительными мотивами развития повседневности ухватывает самую суть динамики повседневной работы (как и вообще всего производства). Надо признать удачным и применение новых понятий к обнаруживающимся в глубине повседневной жизни структурам; такое применение выглядит развитием прежнего подхода. Так, авторы говорят о *жизненном процессе*, в ходе которого конституируется *социальный универсум, социальная тотальность, целостный социальный организм*. В своей неразрывной диалектической совокупности общественное бытие и общественное сознание составляют *социальную реальность*, в которой развертывается непосредственность человеческого присутствия в мире. Можно принять объяснение авторами того, что объективными условиями человеческого жизненного процесса оказываются не только материальные объекты, но и идеальное содержание общественного сознания, которое может быть объективировано в артефактах, но также и существовать во вневещественных оценках,

нормах, предрассудках. Поэтому социальная реальность всегда имеет тотальный характер.

Казалось бы, повседневность выглядит как осуществление однообразных действий, но без творчества она не обходится. В самом деле, где искать, например, эстетическое наслаждение? Не в 8-часовом же рабочем дне, заполненном сложными производственными процессами? Наверное, в той части повседневной жизни, которая связана с отдыхом. Понятную радость вызывает желание авторов включить эстетическое удовольствие в повседневную жизнь, да еще с анализом работы Канта “Критика способности суждения”. Как известно, Кант увидел источник эстетического удовольствия в свободной игре воображения и рассудка, не связанной никакими нормами, т.е. никаким принуждением. Это чувство есть “целесообразность без цели” (производство имеет утилитарную цель), с “интересом без интереса” (практического). Повседневность не может обойтись без эстетики; она наполняет и народные песни, и восхищение природой, и стремление украсить быт. Так в книгу естественно, рядом с творческими порывами, вводится свобода. Но и более приземленные действия повседневности включают свободу и творчество, хотя и в минимальной степени.

В связи с этим интерес авторов сосредоточивается на других чертах творчества. Кроме того, что творчество характеризуется как изобретение нового, оно определяется “в сущности как игра” (с. 137). По-видимому, этим термином авторы хотели указать на свободную привлекательность творчества. Но творческие действия — это тоже труд (еще какой!); можно ли охарактеризовать как игру создание Микеланджело Сикстинской капеллы или написание “Критики чистого разума” Кантом? Несмотря на все авторские оговорки и пояснения, никак нельзя считать творческую деятельность игрой.

Отрадно отметить, что авторы нашли сходство между основными идеями кантовской “Критики способности суждения” и мыслями Маркса о “всеобщем духовном труде”; это сходство нигде ранее в книгах и статьях не затрагивалось, и увидеть его было очень важно, хотя и нелегко. Хотелось бы, чтобы авторы вспомнили здесь о тех, кто разрабатывал темы творчества в советские шестидесятые годы, кто ввел в обиход сами термины “распредмечивание” и “опредмечивание”, “цельный человек” и “творческая личность” — об Э.В. Ильенкове и Г.С. Батищеве.

Дальнейший разбор творчества задает интересные импульсы в изучении повседневности. В этом контексте в книге рассматриваются воображение, праздник, приключения.

Воображение выступает как сила, преодолевающая скуку и однообразие рутинных забот, и она же — “радикальный протест, выводящий человеческое существо на новые рубежи” (с. 149). Серьезный протест, однако, вызывает содержащееся здесь определение сознания как бытия: оно “есть, существует, — пишут авторы, — поэтому оно — бытие” (с. 150). Нет, знание, мышление — не бытие, а сознание.

Рассмотрение повседневности как праздника представляет собой удачную находку оптимистической стороны бытия. В его рамках человек может освободиться от жестко установленных правил, позволить себе подняться над регламентом, стать другим. В книге описывается, как благодаря празднику переворачивается иерархическая лестница отношений (вышестоящие становятся нижестоящими, и наоборот), устанавливается социальное равенство, рождается смех, не зависящий от каких-либо жизненных успехов. Короче, обнаруживается, что человек заинтересован не только в жизненных успехах и удачах — радость вызывает просто жизнь.

Продолжая анализ повседневности как каждодневных действий, К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов выделяют такой особый её аспект, как единство уникальности и всеобщности. Повседневность релятивна, потому что развертывается для каждого отдельного индивида; у них неодинаковое положение в социальной структуре, в способе производства; но в то же время она содержит в себе тождественные ситуации для многих индивидов, которые делают возможным понимание людьми друг друга и их общение. В связи с этим имеет смысл говорить о диалектике повседневной жизни — она представляет собой единство уникальности и всеобщности человеческого присутствия.

Далее внимание обращается на структуру ежедневных действий. В своей домашней, частной, повседневной жизни человек сталкивается, во-первых, с привычными вещами, с которыми имеет дело каждый день — здесь речь идет о навыках и привычках. Это верно, правда, вместо термина “опривычивания” вполне можно было бы употребить термин “привыкание”, и здесь можно в известной степени говорить об автоматизме действий. В этом поле деятельности интересно обратить внимание на так называемые альтернативы различных способов удовлетворения потребностей людей — когда мы сталкиваемся с новой ситуацией и новой проблемой. Тогда привычными действиями не отделаться, почему и вырабатываются новые методы, постепенно становящиеся привычными.

В обыденном бытии складывается и обыденное сознание — оно непосредственно, стихийно, вплетено в реальные жизненные процессы. Переходя к осознанию действий в повседневной жизни, авторы выделяют различные механизмы автоматизмов; среди них особо выделяется так называемая абдуктивная логика, о которой писали и американские, и российские философы, например, Ч. Пирс, В. Финн и Л. Ионин. Под абдукцией понимается процесс инстинктивно принимаемой наиболее правдоподобной гипотезы, это “ддукция наоборот”. Здесь вывод идет от следствия ксылке. Он не совсем надежен, но им пользуются иногда вполне успешно. Удачно, что авторы книги включают в рассмотрение такие не совсем обычные выводы. Осознание этого типа индукции может помочь в поисках подходящих решений.

Среди других механизмов выделяются альтернативные выводы, связанные с новой ситуацией, и дальнейший анализ противопоставляет повседневность как нечто типичное чему-то новому.

Нам показалось не совсем точным отнесение преподавания или даже столярной работы (короче, профессиональной деятельности) к повседневной жизни (см. с. 130) — хотя это входит в повседневность, но скорее является составной частью “большого” производства. Повседневные, повторяющиеся дела взрослых (очень хорошо, что в повседневность включены и действия детей, для которых она, конечно, не работа, а познание мира) — это будни, рутина. Для наглядности дана даже таблица (с. 133) с членением повседневности на будничность, праздничность, неординарность, житейность и т.д., что позволяет лучше понять содержание повседневной жизни. В более общем плане структура повседневности оценивается как:

1) то, чем непосредственно занимаются люди, их работа в быту, отдых;

2) разные предметы — инструменты по работе, по уходу за собой; природные условия, бытовая и рабочая одежда и обувь, средства обмена (денег, документов), средства гигиены и т.д.;

3) способы действия — как люди отдыхают, как танцуют, покупают вещи;

4) в какие общественные отношения вступают люди, занимаясь своими повседневными делами (любовь, ненависть, зависть и т.п.).

В структуру общественного сознания входят:

1) То, о чем думают люди по поводу своего повседневного бытия: обыденные знания, слухи, ожидания и т.д.;

2) О чем люди говорят (анекдоты, обыденный язык, феня, дорожные знаки);

3) Что и как люди чувствуют в своей повседневности (переживания, эстетические эмоции и т.д.);

4) Каким образом протекает познавательная и эмоциональная деятельность.

Из нарисованной картины ясно, что повседневная жизнь очень сложна, и неверно было бы представлять её как что-то примитивное и неважное. Каждый её элемент, соединяясь с другими, своеобразно влияет на личность, формируя в ней те или другие черты. Надо сказать, что до сих пор читатели не встречались с таким многосторонним и глубоким анализом повседневности, который помогает лучше понять и оценить самих себя. Вместе с тем иногда создается впечатление, что повседневность шире самого господствующего производственного процесса. Например, авторы пишут: «действительная основа исторической динамики задается именно *повседневной* деятельностью “незаметных” широких народных масс, деятельностью серого “молчаливого большинства”, ежедневной, никогда не прекращающейся деятельностью людей, направленной на перманентное производство и воспроизводство своего непосредственного бытия» (с. 26). Это не так: и в производстве материальных благ работает масса “незаметных людей” (рабочие, конструкторы, управляющие, даже собственники), и оно также непосредственное бытие (уже говорилось, что термин “непосредственный” не совсем удачен). Повседневность — “некоторая” (с. 26), но не главная форма общественной деятельности. В тех разделах, которые посвящены революции и пограничной ситуации в повседневности (очень интересных не только для широкого читателя, но и для специалиста-философа), К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов определяют повседневность как осевшее, неизменное, старое; революционные изменения — как новое. Но “где происходят эти незначительные в количественном аспекте изменения в средствах производства и производственных отношениях? Здесь возможен только один ответ: такие изменения происходят в повседневности” (с. 147) — ответ неверный: изменения происходят в “большом” производстве, перетекая потом в повседневность.

“Самое главное, — пишут авторы, — состоит в том, что весь этот процесс начинается в повседневности, *вызывается* к жизни непосредственными материальными интересами и потребностями, протекает через повседневные структуры человеческого бытия и, наконец, *оседает* в структурах повседневной деятельности и обыденного сознания нового поколения

через интериоризацию новых условий базиса и надстройки” (с. 148). Нет, изобретение и применение паровой машины поставило под вопрос использование в быту ветряных мельниц и лошадей, но не наоборот. И, разумеется, источником всех изменений являются изменившиеся потребности, и не только физиологические, но и культурные, как указано в книге.

Главный способ производства — это по преимуществу создание новых орудий и способов их применения, тогда как в повседневности этот процесс идет замедленно и не является самоцелью.

Вполне логично авторы книги обращаются к коренным изменениям повседневности главным образом вслед за кардинальными изменениями в “большом” способе производства. Описывая “пограничную ситуацию”, они делают акценты на “закраине” повседневности: она доходит до своей крайней точки в моменты общих или индивидуальных кризисов, переворачивая представления о “нормальной жизни”. Привычный каждодневный быт начинает казаться неистинным, и это толкает в сторону выяснения подлинной сущности человека. Ценно то, что К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов исподволь знакомят многих неискушенных читателей с достижениями знаменитых западных философов, в частности, указывая на то, что термин “пограничная ситуация” введен немецким экзистенциалистом Карлом Ясперсом, а термин “*man*” — его собратом по перу Мартином Хайдеггером. “*Man*” означает усредненного человека, господствующего в обществе среднего обывателя, за которым исчезает индивидуальность, личность. “Так все говорят”, “так все думают”, “так все поступают” тяготеет над членами общества; желание “быть как все” и похвально, и унижительно. С одной стороны, желание “ничем не выделяться” гарантирует спокойное, бесконфликтное существование; с другой же стороны, оно достигается подавлением в себе неординарных чувств и стремлений. Пограничная ситуация — эта та, в которой старые стереотипы поведения и действия кажутся неэффективными, а новые еще не сложились. Человек чувствует себя как бы на перепутье, он не знает, на что может опереться. И лишь со временем начинает опираться на прежде не вошедшие в жизнь приемы, способы действий, решения.

В качестве программы дальнейшего изучения повседневности авторы в заключение предлагают богатый перечень возможных ходов. Это нужно оценить как положительный задел для будущих исследований. Первое требование — не использовать для повседневности методологию высших уровней; здесь надо

применять метод “участвующего наблюдения”, когда исследователь “вживается” в систему отсылок той социальной группы, которую он изучает, т.е. должен “действовать как они”, и это условие понимания. Значение имеет то, что изучается повседневное бытие или повседневное сознание. В этих случаях методика будет разной.

Далее, анализ должен включать подробное описание нужного феномена, раскрытие связи субъекта и объекта; не самым мало важным признается конкретно-исторический метод, учет данной конкретной ситуации, его национально-культурное преломление. Не обходится вниманием и классово-профессиональный анализ; половозрастной подход представляет собой на первый взгляд неважное, а с более глубокой позиции – исключительно интересное осмысление.

Все эти оценки могут быть продуктивно применены в науках, ориентирующихся на понимание другого, на инакомыслие, что исключительно важно в наше время. Такая методология позволяет ввести в рассмотрение человека вместо абстрактного индивида, что в свою очередь означает гуманизацию понимания и в то же время новую страницу критики отчужденного труда.

Мы затронули лишь некоторые важные идеи авторов, закрывающие белые пятна

в структуре повседневности. Следует высоко оценить их желание привлечь внимание к этой малоизученной, но играющей важную в общем универсуме роль в сфере человеческой жизни. Марксистское освоение её связи с главным для данной формации способом производства открыло новые пути марксистского изучения. Сфера повседневности справедливо была представлена в книге как многогранная сфера человеческой деятельности. Авторы показали, что внимание к повседневности становится сегодня не только философско-социологическим, но и политическим анализом. От него зависит практическая жизнь. Поэтому он требует усилий аналитиков по дальнейшей разработке.

Книгу К. Н. Любутина и П. Н. Кондрашова надо признать своевременной и полезной. Она позволяет увидеть четкие структуры каждодневной жизни и понять их возможности.

Т. Б. Длугач

Длугач Тамара Борисовна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Dlugach Tamara B. – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow, the Department of Western Philosophy, Institute of Philosophy RAS. Dlugatsch@yandex.ru

С.И. ПОВАРНИН. Сочинения / Сост., вступит. статья, примеч. В.И. Кобзарь, Т.Е. Сохор, Л.Г. Тоноян (отв. ред.). СПб.: Институт иностранных языков, 2015. 800 с.¹

Сергея Иннокентьевича Поварнина (1870–1952) нельзя отнести к широко известным русским философам начала XX в. Даже по сравнению со своими одногодками, работавшими вместе с ним на кафедре философии Петербургского университета, Н.О. Лосским и И.И. Лапшиным, его вклад в философию выглядит довольно скромно. Единственной работой Поварнина, переизданной в пору увлечения философией Серебряного века, стала “Спор. О теории и практике спора”. Ее публикация в журнале “Вопросы философии” (1990. № 3) позволила реактуализировать имя Поварнина. Это небольшое исследование, едва превышающее сотню книжных страниц, переиздавалось в общей сложности десять раз как под изначальным названием, так и под

заглавием “Искусство спора: О теории и практике спора”. Еще одним произведением Поварнина, переиздававшимся даже в советское время, была брошюра “Как читать книги”, выдержавшая с 1924 по 1994 г. семь изданий. Однако основной корпус трудов Поварнина по логике и теории аргументации до последнего времени оставался в забвении. Редкие публикации (В.С. Бачманов, В.И. Кобзарь, Т.Е. Сохор, К.Н. Суханов) и диссертации по истории логики или истории университетского преподавания (Н.Г. Баранец, Б.В. Маков, В.С. Попова, В.И. Спивак, В.В. Фролова, Б.М. Шуранов) опирались на его исследования. Лишь словарные статьи, чтобы не погрешить против энциклопедической полноты, сухим языком конспекта доносили сведения о русском логике.

Ситуация стала меняться сравнительно недавно. Об этом свидетельствует выход в свет данного тома “Сочинений” Поварнина. Его

¹ Работа подготовлена в рамках НИР СПбГУ (23.38.328.2015).